

Н.А. Купина

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В РОМАНЕ «12 СТУЛЬЕВ»: СТИЛИСТИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

В романе И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев» собственные имена выступают как «ключевые единицы действенного словаря» писателей¹. Они отражают характер эпохи социализма в ее направленности на грандиозные перемены и свершения, в них запечатлены размах в сочетании с замкнутостью, великие перспективы и тупики. Сатирический характер романа обуславливает особый гиперболизм, гротесковость, семантико-культурологическое своеобразие собственных имен.

Центральное место в романе занимают географические наименования, семантика которых разделяет их на два класса, распределяющиеся относительно местоименных указателей «здесь» – «там». Первые впитывают смысл 'советский'. Страна, республика, город, район не просто географическое пространство, а 'территория Советского Союза': *советская Россия, подданный РСФСР, ЦИК Узбекистана* и др. Старое и новое, традиционное и нарождающееся преломляются в названиях городов. Например: *город N, Старгород, Царицын, Петербург ↔ Сталинград, Ленинград, Новохоперск*. В семантический объем названия города, находящегося на территории СССР, включаются наведенные контекстом семы масштабности, технократичности: *Харьков <...> центр Украинской республики; первый в Старгороде вагон электрического трамвая*. Вместе с тем идея глобализма разрушается с помощью дистантных и контактных контрастов и бытовизмов. Например: «А вот в *Самарканде* никакого *трамвая* не надо. Там все на *ешаках ездят*»; «Остап все время произносил речи, тосты. Пили за народное просвещение и ирригацию *Узбекистана*». Высокие с точки зрения официальной идеологии понятия погружаются в обыденные ситуации. Наблюдается эффект сниженности. Имеются случаи, когда новое идеологическое сакрализованное название города включается в состав сравнения-карикатуры: «Ипполит Матвеевич преобразился. Грудь его выгнулась, как Дворцовый мост в *Ленинграде*». Оппозиция названий городов углубляется атрибутивно и функционально: светский *Петербург*, аристократический *С.-Петербург ↔ «Специалистов-бетонщиков... пришлось выписать из Ленинграда*». Подобные контексты создают глубокий оксюморон, охватывая несовместимость темпоральных планов «раньше» – «теперь». Оказываясь в центре темпоральных оппозиций, географическое название служит также для создания образа бесперспективности будущего, гибели всего «бывшего» (времени, человека и его иллюзий). Так используется поэтизм *Терек*, утрачивающий в речевой структуре романа традиционный символический смысл: «Ипполит Матвеевич <...> решительно не замечал *Терека*, который начинал уже погромоухивать на дне долины. И только сияющие под солнцем ледяные вершины что-то смутно ему напоминали: не то блеск брильянтов, не то лучшие глазетовые гробы мастера Безенчука».

Высокая плотность географических наименований создает ощущение зримой реальности маршрутов «концессионеров» – центральных персонажей романа:

На третий день перед обедом, миновав скучные и пыльные места: *Ананур, Душет и Цилканы*, путники подошли к *Мцхету* – древней столице *Грузии*. Здесь *Кура* поворачивала к *Тифлису*.

¹ Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 269.

Географическое разнообразие, широта географических разбросов (*Старгород, Москва, Тифлис, Батум, Кисловодск, Ленинград, Баку, Самарканд, Харьков, Ростов, Одесса*) не размыкают замкнутого пространства огромной державы. Мысли героев постоянно обращаются к границам страны. Динамическая диспозиция «здесь» – «там» – фундамент образного воспроизведения виртуальных маршрутов персонажей. Во всех случаях переход через границу оказывается невозможным:

По своему географическому положению и по количеству народонаселения город *Баку* значительно превышает город *Ростов*. Однако уступает городу *Харькову* по своему движению. Инородцев здесь множество. А особенно много здесь армяшек и персиян. Здесь, матушка моя, до *Турции* недалеко (из письма о Федора);

– Сейчас же на автомобиль, – подумал Ипполит Матвеевич <...> на вокзал. И на *польскую границу*. За какой-нибудь камешек меня переправят на ту сторону, а *там*...

И, желая поскорее увидеть, что будет «там», Ипполит Матвеевич сдернул со стула ситец и рогожку.

Вожде́нное *там* подернуто романтической дымкой:

Он [Ипполит Матвеевич] слышал шум отходящих в *Кастилию* поездов и плеск отплывающих пароходов.

Гаснут дальней Альпухары
Золотистые края.

Сердце шаталось, как маятник.

Вместе с тем недосыгаемые геообъекты утрачивают романтическую привлекательность при столкновении с описаниями процедуры приема пищи, предметов утвари и даже нижнего белья:

В *Берлине* есть странный обычай: там едят так поздно, что нельзя понять, что это – ранний ужин или поздний обед;

Вы знаете, сейчас в *Европе* и в лучших домах *Филадельфии* возобновили старинную моду – разливать чай через ситечко <...> Ко мне как раз знакомый дипломат прислал из *Вены* и привез в подарок. Забавная вещь;

Многое представилось Ипполиту Матвеевичу: и оранжевые упоительно дорогие кальсоны, и возможная поездка в *Канны*.

Логическая неоднородность (*кальсоны, поездка в Канны*), присоединение оценочных эпитетов (*оранжевые, упоительно дорогие*) не к географическому символу, а к прозаизму – все это деромантизирует, приземляет, вульгаризирует мечту о нездешнем.

Смыслы недосыгаемости, невозможности свободного перемещения (из страны в страну) наталкиваются на предикат «чужой» («чуждый»). Персонажи романа оказываются чужими как «там», так и «здесь». Это ярко проявляется в диалоге Остапа и гробовых дел мастера Безенчука. Приведем фрагмент этого диалога:

– ... Мне Прусис сказал, что в *Москве* гриб свирепствует, хоронить людей не в чем. <...>

– Слушай, ты, папаша, это в *Париже* грипп свирепствует.

– В *Париже*?

– Ну да. *Поезжай в Париж*. Там посмотришь! Правда, будут некоторые затруднения с визой, но ты, папаша, не грусти. Если Бриан тебя полюбит, ты заживешь недурно: устроишься лейб-гробовщиком при *парижском муниципалитете*.

Употребление предложно-падежного сочетания *из Парижа* сопровождается устойчивой текстовой нереальной модальностью. Образ персонажа, включенного в чужое пространство, шаржируется, в том числе с помощью противопоставления геообъектов: *Вы не из Парижа. Конечно, вы приехали из Кологрива*. Сочетание *из Парижа* вбирает сему тайны, «аромат» запретного плода:

– ... Я не спрашиваю вас, зачем вы *приехали из Парижа*. <...>

– Но я *приехал* вовсе не *из Парижа*, – растерянно сказал Воробьянинов.

– Мы с коллегой *прибыли из Берлина*, – поправил Остап, нажимая на локоть Ипполита Матвеевича, – об этом не рекомендуется говорить вслух.

Особое место в речевой ткани романа занимают названия улиц, отражающие идеологические столкновения, борьбу старого и нового. Неидеологические названия соседствуют с названиями-идеологемами: *Вокзальная, Привозная, Старопанская площадь, Гусице ↔ улица Ленских событий, Красноармейская, Кооперативная, улица товарища Губернского*.

Как видим, в подсистеме неидеологических наименований имеются мотивированные имена, которые «дают образное представление об объекте»¹, содержат функциональный перенос. В тексте они окрашиваются эмоцией утраты. Идеологические названия улиц вытесняют старые. Переименования создают путаницу, а претенциозность лишь подчеркивает их нелепость:

- ... Валяя на *улицу Плеханова*.
- А *раньше* как эта улица называлась?
- Не знаю.
- Куда же ехать? И я не знаю (из диалога Остапа с извозчиком).

Часа полтора проколесили они по пустому городу, опрашивая ночных сторожей и милиционеров. Один милиционер <...> сообщил, что *Плеханова* – не иначе как бывшая *Губернаторская*. <...> Приехали на *Губернаторскую*, но она оказалась не *Плеханова*, а *Карла Маркса*.

Парадоксальность названий улиц гармонически соединяется с образом нового советского жизненного уклада, абсурдность которого использует в своих хитроумных комбинациях Остап Бендер.

... Молодой человек (Остап Бендер) пообедал в столовой «Уголок вкуса» и пошел осматривать город. Он прошел на *Советскую* улицу, вышел на *Красноармейскую (бывшая Большая Пушкинская)*, пересек *Кооперативную* и снова очутился на *Советской*. Но это была уже не та *Советская*, которую он прошел: в городе было две *Советских* улицы. Немало подивившись этому обстоятельству, молодой человек очутился на *улице Ленских событий (бывшей Денисовской)*.

Наряду с реальными названиями некоторых одесских улиц авторы используют названия выдуманные. Смысл последних понятен лишь узкому кругу лиц, а скрытый намек обнаруживается в образных сопоставлениях. Так, *Перелешинского переулка* ни в Одессе, ни в других городах нет. Название дано по фамилии гимназического товарища Е. Петрова. Дети П.А. Перелешина (автор статьи – его внучка), оставшиеся в Одессе, скрывали свое происхождение. Топонимическая шутка была рискованной, так как одеситы хорошо знали и помнили имя «врага народа» (офицера белой армии), не сочетающееся с общей идеологической заправленностью процесса именования советских улиц. Разворот топонимической шутки связан с включением в семантическую структуру сравнения имени писателя Арцыбашева, творчество которого официальная критика заклемила как «реакционное», «упадническое», «аморальное»². Сравнение *стиснутых крючками набитых львиных рож (харь)* с *лицом Арцыбашева* вполне соответствовало пафосу эпохи, отвлекало читателя от выяснения вопросов о возникновении топонима:

Дом № 7 по *Перелешинскому переулку* не принадлежал к лучшим зданиям Старгорода. Два его этажа, построенные в стиле Второй империи, были украшены побитыми львиными мордами, необыкновенно похожими на лицо известного в свое время писателя Арцыбашева. Арцыбашевских ликов было ровно восемь. по числу окон, выходящих в переулок. Помещались эти львиные хари в оконных ключах.

Между тем именно *Перелешинский переулок* становится местом встречи членов «тайного общества» «*Союз меча и орала*», а мотивация номинации содержится в лука-

¹ См.: Марадудина Т.В., Матвеев А.К. Образные географические названия // Русская речь. 1971. № 1. С. 107.

² См.: Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А.Сурков. Т. 1. М., 1962. С. 335.

вых репликах Остапа, например: «В каком полку служили? Придется послужить отечеству. Вы дворяне? Очень хорошо. Запад нам поможет». Название самого общества трансформируется в топонимический каламбур, усиливающий неразбериху цепочек комических ситуаций и положений, в которые попадают заговорщики поневоле: «...город наполнили слухи о приезде какой-то с *Мечи* и *Урала* подпольной организации».

Язык улицы, гротесково изображенный сатириками, изобилует неожиданными названиями магазинов, ресторанов, гостиниц, общежитий, учреждений и др. Наблюдается погружение «сакрального в профанное»¹, обуславливающее процесс карнавализации, не препятствующий общей стратегии номинирования (собственное имя должно обладать обязательной общественной значимостью):

- Что это здесь за дом? <...>
- Общежитие студентов-химиков имени монаха *Бертольда Шварца*.
- Неужели монаха?
- Ну, пошутил, пошутил. Имени *Семашко*

(название дано в честь «партийного и государственного деятеля, одного из организаторов советского здравоохранения»²).

Объект, которому присваивается имя, и само имя собственное часто не сочетаются, образуя парадоксальное лексическое соединение (*хореографическое училище имени Леонардо да Винчи*, *пивная «Степан Разин»*, *театр Колумба*). Оксюморонные названия городских объектов содержат намек на несостоятельность соответствующего объекта: *кустарная артель «Пегас и Парнас»*, *кооператив «Плуг и молот»*, *фешенебельная гостиница «Проходная пешка»*, *одесская бубличная «Московские баранки»*, *ресторан «Феникс»*. В контексте наименования городских служб, организаций, торговых точек и др. часто сочетаются с глагольными формами, обозначающими отсутствие функционирования. Например:

- Извозчик... <...> вези в «Феникс»!
- Это можно, – сказал извозчик. Он неторопливо подвез Остапа к *закрытому ресторану*.
- Это что? *Закрыто*?
- По случаю Первого мая.

Ср.: Кооператив «*Плуг и молот*» *заперт* уже три недели по случаю переучета товаров»; «*Милости просим*» (название погребальной конторы. – *Н.К.*) *лопнуло* еще за три года до того, как Ипполит Матвеевич осел в городе N.

Претенциозное иноязычное название вступает в контрастный стилистический конфликт со сниженной лексикой:

Тут как раз в «*Сорбонне*» (название меблированных комнат. – *Н.К.*) я снова встретился с *мерзавцем* Воробьяниновым (из письма о. Федора. – *Н.К.*).

Эффект сниженности подчеркивается контекстными парами собственного имени, относящимися к несоединимым стилистическим сферам. Например, в высказывании употребляются устаревшее книжное слово и слово разговорное: «У врат похоронного бюро «*Нимфа*» Ипполита Матвеевича снова *попридержали*». Эффект сниженности сопровождает употребление всех городских номинаций.

И. Ильф и Е. Петров высмеивают тенденцию к злоупотреблению сложносокращенными наименованиями и аббревиатурами, подчеркивают их неэстетичность, грамматическую ущербность, семантическую недостаточность, претенциозность. Сложносокращенные единицы определяют

¹ См.: *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 84–85, 180.

² См.: *Малая советская энциклопедия* / Гл. ред. Б.А.Введенский. Т. 8. М., 1960. С. 371.

зоны влияния в городе: *Старгуброзыск, Старсобес, Старгубстрах, Стардетком, Старкамхоз* и др. Предъявление сложносокращенного собственного имени общественности сопровождается официальными государственными символами, которые в изображении авторов лишь оттеняют бессмысленность соответствующей советской организации:

Подле красивого двухэтажного особняка № 28 с вывеской

СССР, РСФСР
2-й ДОМ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
СТАРГУБСТРАХА

молодой человек остановился...

Монументальность учреждения оказывается лишь видимой: за вывеской скрываются «казенные постели с одеялами, на которых было написано “Ноги”... <...> мебелировка, состоявшая исключительно из садовых скамеек, привезенных с *Александровского*, ныне *Пролетарских субботников*, бульвара...». Выясняется, что «завхоз 2-го дома *Старсобеса* был застенчивый ворюга». Контексты, как видим, входят в противоречие с назначением организации (*собес* – социальное обеспечение, отдел социального обеспечения¹), название которой в соответствии с официальными предписаниями должно восприниматься гражданами как идеологический символ.

Органично вписываются в язык города названия газет и журналов. Выкрики (в одесской транскрипции) ремесленников «Пяять, пачинать!...» перекликаются с призывами распространителей газет и журналов: «Московская гайзета “*Звестие*”! Журнал “*Смехач*”, “*Красная нива*”!...»

Игра с названиями печатных изданий отмечена причудливой изобретательностью: журнал «*Будни морзиста*», «*Гизроскопический вестник*», охотничий журнал «*Герасим и Муму*» («*Гермуму*») и даже «*Голос комода*».

Объект смехового здесь, как и в других случаях, – отсутствие языкового вкуса и чувства меры. И.Ильф и Е.Петров высмеивают фетишизацию слова, сакральную веру в мобилизирующую роль собственного имени:

– Почему в провинции нет никакой игры мысли? Например, вот ваша *шахсекция*. Так она и называется *шахсекция*. Скучно, девушки! Почему бы вам, в самом деле, не назвать ее как-нибудь красиво, истинно по-шахматному. *Это повлекло бы в секцию союзную массу*. Назвали бы, например, «*Шахматный клуб четырех коней*» или «*Красный эндшпиль*» или «*Потеря качества при выигрывании темпа*». Хорошо было бы. Звучно.

Игра с собственными именами – идиостилевая черта романа. Свободная фантазия авторов, выступающих часто «в роли создателей» собственных имен, веселых номинаторов², позволяет им перетасовывать улицы различных городов, переносить топоним из одного пространства в другое, составлять одно собственное имя из реально бытующих разных наименований. Шутки, розыгрыши, оксюмороны, каламбуры с использованием имен собственных обнаруживают их ведущую роль в реализации авторской картины мира.

¹См.: Словарь сокращений русского языка / Под общей редакцией Б.Ф. Корицкого. М., 1963. С. 394.

²Матвеев А.К. Вверх по реке забвения. Екатеринбург, 1992. С. 6–11.